

ОДНОРУКИЙ КАПИТАН

Мой папа — однорукий Капитан.

— Лево руля! — грохочет он басом и крутит колесо штурвала одной правой.

Другую руку папы съела акула. Он тогда был мальчишкой, строил на берегу замок из песка. Зубастая заплыла в бухту, а мама отвлеклась на разговор с соседкой.

— КЛАЦ! — И вместе с игрушечной лопаткой и песочными башнями акула заглотила руку маленького папы.

— Акула после того обеда долго икала, — хохочет Капитан.

На плече у папы сидит шиншилла Агата. Шиншилла щекочет Капитана усами, и он смеётся.

— ХА! ХА! ХО! ХО! —

гремит над морем папин раскатистый смех.

Наш корабль плывёт, качаясь на волнах. Впереди и позади, справа и слева — синее море. Сверху — небо. Мы сидим с папой на палубе и едим варёную картошку с солью.

Солнце садится, небо розовеет. Я глажу Агату по пушистой шёрстке. Как же хорошо!

Но вдруг становится темным-темно: над нами нависает огромная тень. Мы задираем головы вверх и видим тётку в платье с кружевным жабо. Она зловеще шевелит своими усами.

— Капитан, я же её знаю, — шепчу я.
— Я, кажется, тоже, — отвечает он.
— Да разве ты капитан! — плюётся тётка, сдувая горьким дыханием с папы фуражку. — У тебя — одна рука. Таких не берут в капитаны! Лучше бы полезными и важными делами занялся!

Мы подходим к нашему дому с красной крышей. На крылечке сидит мама, рядом с ней стоит тарелка со слойками с повидлом. Я спрыгиваю с папы, обнимаю маму и беру слойку. Ещё тёплая!

— Пап, а дома-то хорошо! — говорю я.

— Может, и не надо никуда уезжать? — рокошет папа, обнимает маму и поправляет фуражку.

